

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*



Лидия Алексеевна Чарская

Тяжелым путем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=635605

Лидия Чарская. Собрание сочинений:

Аннотация

Причудливые, полные интриг приключения героев повестей Чарской переплетаются с их высокими, благородными чувствами и поступками. В том мире, который создала Лидия Чарская, негодяям и мерзавцам не удастся взять верх над светлыми, честными, чистыми душами. Ее героини такие, какими в главном наверняка хотелось бы стать и тебе: чтобы, несмотря на препятствия, все удавалось, чтобы тебя любили хорошие люди, а твоя душа отзывалась на эту любовь, бескорыстно и преданно.

Содержание

Глава I	4
Глава II	24
Глава III	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Лидия Алексеевна Чарская

Тяжелым путем

Глава I

— Стой, извозчик, вон, у того дома... Твой руку, Иечка...
Приехали, ну, помогай тебе Бог!

Андрей Аркадьевич первый выскочил с пролетки и протянул руку сестре.

Они ехали сюда около часа. Извозчик им попался очень плохой, да и расстояние с дальней окраины Петербургской стороны до одной из самых захолустных улиц Песков было не малое.

Шел дождь пополам со снегом. Стояли огромные лужи на улице. Катили экипажи с поднятыми верхами. Пешеходы сновали под зонтиками по скользким сырым тротуарам. Безотрадная картина поздней гнилой Петербургской осени встретила в этот день только выписавшуюся из больницы Юю. И сам дом, около которого остановился их возница, имел такой же безотрадный вид. Небольшой деревянный особняк с облупившейся краской даже и при освещении осеннего вечера выглядел очень непрезентабельно и угрюмо.

Такие дома составляют теперь большую редкость в столице и попадают только на самых глухих окраинах её. И ме-

сто, где поселился Андрей Басланов с семьей, казалось очень глухим и отдаленным от центра.

– Послушай, Андрюша, да ведь тебе отсюда приходится ежедневно в Академию ездить... Как же ты можешь такую даль переносить? Ведь сколько времени терять приходится даром на одни поездки, – не могла не заметить Ия, пока Андрей Аркадьевич звонил у входной двери.

– И время даром на проезд тратишь, да и устаешь ты, Андрюша, по всей вероятности не мало? – допытывалась сестра.

– Это пустое, Иечка, – с беззаботным смехом отвечал сестре Басланов, – что касается усталости, то не такой я еще старик, сестренка, чтобы уставать из-за таких пустяков, а расстояние велико, это ты, пожалуй, справедливо говоришь. Но, с этим мириться можно, когда, благодаря отдаленности от центра, снимаемый нами особняк стоит пустяки, и благодаря этому деньги, ассигнованные нами на наем более удобной квартиры, мы можем тратить на другое, необходимое в жизни...

Но на что именно мог тратить Андрей излишек, остававшийся от платы за квартиру при таких условиях, Ия так и не пришлось узнать.

Дверь отворилась и на пороге её показалась очень нечистоплотного вида прислуга с подоткнутым подолом, босая, в засаленном клетчатом переднике.

– Что это, Марья, вы открываете? Куда же Даша дева-

лась? – морщась при виде её неряшливой особы, спросил Андрей Аркадьевич.

– Ушла, барин, Даша... Проскандалили они с молодой барыней все утро. А после собрала свой сундук и уехала. За пачпортом обещалась уже зайти. Барыня и по сейчас вне себя лежит на диване, – обстоятельно докладывала кухарка.

– Ах, ты, Господи – опять неприятности! Нетти нервничает, она такая слабенькая, хрупкая, а прислуга так груба! – сорвалось смущенно с губ Андрея Аркадьевича и, наскоро сбросив пальто на руки встретившей их служанки, он прошел в гостиную. Ия последовала за ним. Уже с порога прихожей молодую девушку поразили стоны и вскрикивания, несшиеся из соседней комнаты.

Когда она вошла туда, то увидела нарядно, совсем не по домашнему, одетую молодую даму, лежавшую на кушетке с лицом полуприкрытым носовым платком, который она держала у глаз. Черные волосы молодой женщины, выбившись из прически, беспорядочными прядями сбегали вдоль спины. Прерываемым слезами и всхлипыванием голосом она кричала:

– Это невозможно!.. Это несносно!.. Я не хочу такой жизни!.. Я не потерплю её! Она погубит меня!.. Мое здоровье!.. Мои нервы... Каждая служанка, каждая ничтожная девчонка смеет грубить мне, урожденной княжне Вадберской! Да я за это на нее в суд подам... В тюрьму ее посажу! Я не прощу ей – этой негодной Дашке того, что она осмелилась нагово-

рить мне!...

И снова взрыв рыданий огласил комнату.

Сидевшая около иступленно плачущей молоденькой особы пожилая дама, в которой Ия с первого же взгляда узнала княгиню Констанцию Ивановну с её прекрасным южного типа лицом и резкими манерами итальянки-простолюдинки, старалась всеми силами успокоить расходившуюся дочь:

– Полно, не плачь, Нетти... Нечего глаза по пустякам портить... И платье напрасно мнешь... Эка – невидаль, подумаешь, – с горничной посчитались... Всюду это случиться может... В каждой семье! Перестань же плакать! Вот и Андрей пришел и не один!.. Создатель мой! Дева Мария! Да ведь это она, красоточка Ия! Дитя мое, я узнала вас сейчас же, даром что вы ужасно похудели да побледнели!

Тут княгиня стремительно и шумно поднялась с места и с протянутыми руками устремилась навстречу Ии.

В ту же минуту оборвались слезы и стоны Нетти. Она отняла мокрый платок от распухшего лица и стремительно приподнялась с кушетки.

Её нарядное платье смялось, изысканная прическа растрепалась, красивое, как две капли воды похожее на лицо матери, личико изменилось и подурнело от портившего его выражения гнева.

– André, André – зашептала она, подзывай к себе мужа и с укором глядя в его смущенное лицо, – как мог ты меня оставить! Как мог ты уехать на целый день! Бог знает, что за ужас

тут происходил без тебя! Эта дерзкая грубиянка осмелилась, наговорить мне Бог весть что! Надерзила и ушла... А мы тут оставайся и нянчи твоих прелестных племянничков, вместо того, чтобы ехать на раут к баронессе Икскуль. И куда ты пропал с утра? Где те был до позднего вечера? Почти до семи часов? Как тебе не жаль было оставить меня одну? – потоком вопросов посыпалось на Андрея Аркадьевича и черные глаза Нетти снова наполнились слезами.

– Деточка, успокойся, не плачь ради Бога. Я без вины виноват перед тобой, – горячо целуя маленькие выхоленные ручки жены, проговорил Басланов, – ты же знаешь, я никогда не оставляю тебя без нужды. Утро я провел в Академии, потом был в больнице, взял оттуда сестру и отвез ее в пансион, а потом заезжал к американцу Томсону условиться о покупке картины, затем снова заехал за Ией в пансион...

– Противные картины, они только разлучают нас с тобой! – не слушая мужа и надувая губки, произнесла Нетти.

– Деточка, эти противные картины кормят нас, – осторожно напомнил Андрей.

– Очень это нужно! У папы есть пенсия. Нам бы на всех хватило!

Андрей Аркадьевич в ответ на эти слова покачал головой.

– Ты же знаешь мой взгляд на такие вопросы, Нетти, – серьезно проговорил он, – да и не время говорить об этом. Займись лучше Ией, она так спешила к нам возобновить знакомство с тобой.

– А, Ия, здравствуйте! Очень рада вас видеть! – заученным тоном светской женщины произнесла Нетти, протягивая руку золовке. Та приблизилась к ней и увидела перед собой официально улыбающееся ей лицо и чужие, далекие родственного чувства, глаза молодой женщины.

Что-то кольнуло в сердце девушки.

Предчувствие сказало ей, что вряд ли она сойдется когда-либо с этой пустенькой и бессодержательной Нетти. Но, желая сделать приятное Андрею, Ия ласково, по-родственному обняла невестку и поцеловала её горячую от недавних слез щеку.

– Я очень рада увидеть вас снова, милая Нетти, и помочь вам в воспитании ваших маленьких племянников, – проговорила она, пожимая руку молодой женщине.

– Ну, не знаю, повторите ли вы мне это, когда познакомитесь с «моими маленькими племянниками» – загадочно подчеркивая последние слова, произнесла Нетти; и, снова обращаясь к мужу, быстро-быстро заговорила, сопровождая свои слова резкими, экспансивными жестами:

– Вот именно из-за них-то весь сыр-бор и загорелся! Ты не можешь себе вообразить André, как они извели меня сегодня на уроке!.. Представьте себе, Ия, я ради скуки стала заниматься с этими милыми деточками по научным предметам и они меня окончательно вывели из себя... Так что я даже хотела их высечь.

– Нетти! Нетти! – вырвалось почти с ужасом у Андрея,

в то время как Ия до боли закусила губы, чтобы не дать вырваться по адресу молодой женщины потоку негодования, вызванному словами последней.

– Ну, так что же из этого? – задорно, бросила мужу Нетти, – ну да, хотела их высечь обоих... Так они были несносны! А эта грубая Дашка налетела на меня как курица-наседка и стала кричать, что часа не останется больше там, где пускают в ход розги... Ичто она Зинаиде Юрьевне пожалуется, на меня и что здесь притесняют детей и Бог знает что еще наговорила, что и изверг-то я, и бессердечная, и чуть ли не палач. Словом, довела меня до слез... А сама ушла... И все из-за этих чудесных деточек... Кстати, пойдем к ним, Ия, я хочу познакомить вас с отчаяннейшей в мире породой маленьких людей, от которых нет никому ни минуты покоя в доме, – сверкая все еще горевшими гневом и негодованием глазами, заключила Нетти.

Андрей Аркадьевич с укором взглянул на жену. Потом перевел глаза на Ию и снова обратился к Нетти.

– Напрасно ты запугиваешь преждевременно сестру, деточка, – обратился он к Нетти, – Жура и Надя далеко не дурные дети. Правда, их жизнь до сих пор протекала на свободе, о них, в силу некоторых обстоятельств, некому было заботиться и манеры их, может быть, оставляют желать лучшего, но, в сущности, они – добрые, славные дети и...

– Добрые? Славные? Нет, это мне нравится! – неожиданно прервала мужа сердитым голосом Нетти, и её южные глаза

засверкали целым фейерверком негодования.

– Нет, милая Ия, я больше слова не скажу об этих прелестных деточках... Вы сами увидите их и поймете, права я или нет. А André к ним слишком пристрастен. Идем же, идем к ним!

И, схватив Ию за руку, Нетти потащила ее из гостиной... Княгиня поспешила за ними.

– Возьмите и меня с собой. И я хочу присутствовать при первом знакомстве Ии с этими ангелочками, – смеясь закричала она.

Из гостиной, большой комнаты в три окна, со старыми запачканными во многих углах обоями, обставленной, очевидно, на скорую руку самой разнокалиберной мебелью, Ия с обеими хозяйками прошла в столовую.

Здесь, посреди комнаты стоял неубранный стол с остатками от обеда на беспорядочно расставленных тарелках, и с корками хлеба, разбросанными по весьма сомнительной чистоты скатерти.

Из столовой все трое прошли в длинный темный коридор. Его дальний конец упирался в лестницу.

– Поднимемся к ним. Детская находится наверху, – предложила Нетти.

По шатким, скрипучим ступеням Ия вместе с хозяйками дома прошла во второй этаж. Три двери таинственно белели в верхнем тоже совершенно темном переходе.

– Там кабинет рара, – указывая рукой на правую, – гово-

рила Нетти, – рара пишет свои мемуары о Турецкой войне и любит, тишину и уединение; там шкафная и комната для прислуги, – указала она на противоположную стену, – а это ваша обитель!

И при этих словах молодая женщина порывисто распахнула среднюю дверь.

При их появлении на пороге комнаты что-то быстро шагнуло в сторону. Ия успела разглядеть только кусок необычайно яркой смеси розового с зеленым и голубым. И это розово-зелено-голубое забилося между комодом и ручкомойником, находившимся в дальнем углу детской, небольшой комнаты, заставленной тремя кроватями и убогой сборной мебелью.

В тот же миг взгляд Ии встретился с прелестными ясными, как небо голубыми, детскими глазенками, в упор устремленными на нее.

– Жура, подойди сюда... А где Надя? – обратилась. Нетти к голубым глазкам.

Маленький голубоглазый мальчик лет девяти, с длинными, как у девочки, локонами, выющимися по плечам, выступил вперед, для чего-то прикрывая рукой левое колено.

– А Надя где? Изволь отвечать!

Глаза Нетти сердито сверкнули. Но мальчик, по-видимому, ничуть не испугался гнева своей молоденькой тетки.

– Надя сейчас придет, – отвечал мелодичный голосок в то время, как голубые глазенки без тени смущенья с любопыт-

ством разглядывали Ию.

– Вот рекомендую нашего сорвиголову. Его зовут Журой, Евгением. Советую быть с ним поосторожнее; да и с его сестрицей тоже. Из рук вон какие оба проказники и упрямцы, – слегка подталкивая мальчика к Ии, проговорила княгиня Констанция Ивановна.

Молодая девушка протянула руку ребенку. Тот подал свою, которой только что довольно удачно прикрывал огромную дыру на чулке, как раз на коленке.

– Ах, Создатель мой, опять разорвал чулок, это возмутительно! – сердито крикнула Нетти, с силой дернув мальчика за руку, так что вся его миниатюрная фигурка пошатнулась, как шатается молодое деревцо под напором ветра, и, экспансивно жестикулируя, заговорила:

– Вы не поверите, Ия, сколько с ними забот и хлопот! Все на них горит, как в огне, прислуга не успевает штопать и чинить за ними. Одних сапог сколько перенашивают, если бы вы знали. Никаких сил с ними нет. На них не напасешься. Вот уж сказать по правде, послал рара этакую обузу Господь! – И Нетти, говоря это, с откровенной злобой поглядывала на мальчика. Тот отвечал ей далеко не доброжелательным взглядом, глядя исподлобья своими чудесными, но совсем не кроткими голубыми глазенками.

Вдруг легкий шорох послышался в углу. Шорох и как будто шелест шелкового платья. Все невольно посмотрели в ту сторону, откуда доносился шум.

– Боже мой, Надя! Зачем ты залезла туда?

В два прыжка Нетти очутилась у комода, протянула руку в отверстие, образовавшееся между ним и умывальником, и извлекла оттуда довольно необычайную фигурку.

Если бы в наш век были чудеса, Ия приняла бы непременно за чудо зрелище, открывшееся её глазам: она увидела второго мальчика Журу или вернее точную копию Журы, одетую, однако, довольно своеобразно: длинная розовая, шелковая, старинного покроя юбка, в которой путалась миниатюрная фигурка ребенка, окружала ее. Зеленый, в виде кафтана, лиф сидел мешком на хрупких детских плечах, и голубой шарф широко опоясывал узенькую, как у куклы, талию. Пепельные локоны, приподнятые кверху и зачесанные в высокую вычурную прическу, увенчивались небольшим дамским чепчиком, какие носились при наших бабушках в дни их юности несколько десятков лет тому назад.

Миниатюрная хрупкая фигура ребенка совсем утонула в этом странном допотопном наряде. А худенькое, бледное с голубыми жилками на висках и лбу личико, озаренное парой таких же прекрасных голубых глаз, как у Журы, выглядело так забавно в этом старообразном наряде, что Ия, взглянув на него, не могла удержаться от улыбки.

Но ни княгиня, ни её дочь не разделяли, по-видимому, впечатления молодой девушки.

Нетти густо покраснела. Все лицо Констанции Ивановны тоже залило краской негодования и гнева.

– Дрянная девчонка! – вскричала она, сопровождая свои слова резкими жестами, – ты опять украла ключ от шкафной? Опять рылась в сундуках и унесла прабабушкино платье? – накинулась она на маленькое существо в столь своеобразном одеянии.

– Отвратительный ребенок! Ее следует высечь за такие проделки! – закричала в свою очередь Нетти, бледная от душившего ее гнева. – Сейчас же сними все это и приходи ко мне вниз. О, я сумею расправиться с тобой. Слышишь?

Она быстро подошла к ребенку и изо всей силы ущипнула Надю за маленькое ушко.

Пронзительный крик огласил комнату. В тот же миг мальчик очутился перед молодой Баслановой. Его худенькое, бледное личико побледнело еще больше, а голубые глаза серdito засверкали, когда он заговорил, обращаясь к тетке, волнуясь и дрожа всем телом:

– Вы не смеете! Вы не смеете! Не смеете бить Надю... Обижать ее... И называть воровкой не имеете тоже никакого права! Я дедушке скажу и маме тоже... Мы у вас ничего не воровали... Мы только захотели поиграть прабабушкиным платьем... Надя в гости ко мне, как будто, приехала... А я хозяин, будто, был... Мы бы поиграли и повесили снова все на место... А в сундук мы не лазили... честное слово, нет. Платье Даша еще вчера вывесила проветрить от моли... И дверь в шкафную открыта была... Мы ключа не таскали... А Надю я не дам обижать... Она слабая женщина, она сама не

сможет за себя заступиться. Я должен быть её защитником! Я её брат...

– Что?.. Как ты смеешь говорить так со мной, негодный мальчишка! Тебя из милости держат у нас в доме! Мы тебя с твоей сестрой кормим, поим и одеваем, а ты еще смеешь так дерзко разговаривать с твоими благодетельницами, – закричала Нетти, топая ногами и с угрожающим видом наступая на мальчика.

– Нетти, не волнуйся! Право же, не волнуйся... Дева Мария! Стоит ли портить здоровье из-за чужого ребенка! – успокаиваясь прежде дочери, говорила Констанция Ивановна.

– Оставьте, маман! Неужели вы не видите, до чего доходит нахальство этого дерзкого мальчишки! Мы облагодетельствовали его с головы до ног, а он...

– Неправду вы говорите, – слышался звонкий голосок и маленькая девочка выступила вперед.

Теперь, когда брат и сестра находились один подле другого, можно было вполне уверенно сказать, что это были дети-близнецы.

Ии сразу понравились они оба. Было что-то милое, смелое и чистое в обоих личиках с одинаковыми глазами и чертами лица, тонко и изящно обрисованными, отдаленно напоминавшими Ии лицо старого князя Юрия Львовича.

Девочка совсем близко подошла к Нетти и без тени смущения смотрела в её лицо.

Этот взгляд окончательно вывел из себя молодую женщину.

– Ах, ты, бессовестная, – пронзительно выкрикнула Нетти, – да как ты смеешь грубить мне так! Да я... я... тебя... я... тебя...

Злые слезы задрожали снова в её голосе. Она задыхалась... Целый поток негодующих, гневных слов и упреков вырвался из её рта. И бессильная разделаться с племянницей в присутствии Ии молодая Басланова схватилась за голову, бросилась в близ стоявшее кресло и разрыдалась навзрыд. Её слезы со вскрикиваниями и воплями, пересыпанными жалобами и упреками, подняли на ноги весь дом.

Андрей Аркадьевич, успевший переодеться в рабочую блузу и растиравший в это время краски в своей студии, находившейся в дальнем конце дома, первый прибежал в детскую и с волнением и тревогой бросился к жене.

– Деточка моя... Нетти – моя крошка... Что с тобой? Что случилось? О чем ты плачешь, ангел мой, да ответь же мне!

– Дети... Противные, несносные дети... Они доведут меня до могилы, – они убьют меня! – нашла, наконец, в себе силы между рыданиями простонать молодая женщина.

Андрей Аркадьевич с укором взглянул на племянников.

– Жура! Надя! Неужели? Неужели же вы это довели вашу тетю до такого состояния? – обратился он к ним. И так как близнецы молчали и глядели исподлобья на своего молодого дядюшку смущенными глазами, Андрей Аркадьевич

уже непосредственно обратился к Ии, в то время как княгиня Констанция Ивановна поила водой все еще бившуюся в истерике Нетти.

– Скажи, пожалуйста, как это могло случиться, Иечка? Объясни, ради Бога, в чем дело?

Последняя поспешила прийти к нему на помощь. Своим ровным, спокойным голосом Ия рассказала брату всю происшедшую только что на её глазах сцену. Всегда справедливая и разумная, она незаметно для самих детей оправдала их в глазах брата, совершенно невиновных по её мнению, или, если и виновных, то только в том разве, что они взяли без спросу из шкафной прабабушкины наряды и кринолин.

По мере того, как говорила Ия, затихали рыдания Нетти, а когда молодая девушка замолкла, Нетти уже стояла перед ней, вытянувшись во весь рост, уязвленная, негодующая, с пылающим лицом и блестящими злыми глазами.

– Так вот вы как, сестрица! Оправдываете в глазах André этих несносных детей, которых каждый признает виновными... Это значит демонстрация против меня? Однако, вы не педагогичны, милая сестрица. Нельзя в присутствии детей показывать им, что они правы, и порицать поступки их воспитателей.

Эти слова как обухом по голове ударили Ию.

– Бог знает, что вы говорите, Нетти, – возмутилась она, – да разве я порицала ваш поступок?.. Что вы! Я только восстанавливала истину и передавала Андрею факты, какими

они были на самом деле, — оправдывалась она.

— Неправда, неправда! — заволновалась больше прежнего Нетти, — вы исказили факты. Дети были грубы, дерзки, а, вы... вы...

— Что здесь за шум? Нетти, дитя мое, что тебя так волнует? А?.. Ия Аркадьевна, добро пожаловать, душевно рад вас видеть у нас! — слышалось с порога комнаты и, обернувшись к двери, Ия увидела высокого статного старика с седыми усами и густой не по летам, но уже совершенно белой шевелюрой.

Его лицо с правильными чертами носило на себе отпечаток достоинства и благородства. Военный сюртук отставного генерала, облежавший его прямую стройную фигуру, еще более молодил шестидесятилетнего князя Юрия Львовича.

Ия нашла его мало изменившимся со дня их последней встречи в «Лесном».

— Здравствуйте, здравствуйте, Ия Аркадьевна, чрезвычайно рад снова увидеться с вами. А особенно счастлив, что вы не отказались воспитывать моих проказников, — и говоря это, Юрий Львович протянул одну руку Ии, другой потрепал густые локоны Нади, успевшей броситься к нему и прильнуть лицом к руке деда, в то время, как Жура тоже подбежал к нему и обнял его с другой стороны.

По заплаканным глазам Нетти и по встревоженным, расстроенным лицам окружающих Юрий Львович догадался сразу о происшедшем здесь недоразумении.

– Опять баталия? – улыбаясь, пошутил он, стараясь шуткой восстановить желанное спокойствие.

– Жура, Надя, чем снова провинились, молодцы? Ну-ка, пожалуйста к ответу! В «дежурную комнату» на караул, шагом марш! – скомандовал он, смеясь, и дети, расцветшие в один миг от его шутки, бросились наперегонки вдоль неосвещенного коридора, по направлению кабинета Юрия Львовича.

– Напрасно ты балуешь их, Жорж, – произнесла недовольным голосом княгиня, покачивая головой, – и так с ними сладу совсем нет. Разумеется, раз они видят в тебе поддержку...

– Ты забываешь, Констанция, что этих детей нельзя подводить под общую мерку, – серьезным и грустным голосом, перебивая жену, произнес князь, – вам, Ия Аркадьевна, я расскажу когда-нибудь о судьбе этих бедных малюток. Будьте снисходительны к ним. Об этом просит вас их старый дед.

И седая голова князя низко склонилась перед молодой девушкой движением, исполненным изящества и достоинства.

– Ну, теперь начнется еще худшее баловство! – процедила Нетти сквозь зубы. – Успокойтесь, рара, – насмешливо произнесла она, поджимая губки, – Ия явится достойной последовательницей вашей теории по вопросу воспитания и уже ни в каком случае не обидит ваших любимцев.

– О, я не сомневаюсь в этом, – не замечая иронии дочери, отвечал старик. Потом, предложив руку Ии, он провел

ее в кабинет, «дежурную комнату», как называл по старой памяти князь свою скромную горницу, сравнивая ее шутя с той полковой дежурной комнатой, где вместе с товарищами проводил в дни молодости самые приятные часы.

Это была большая комната, сплошь заставленная книжными шкафами. Широкий зеленый кожаный диван и такие же тяжелые кресла, оружие, развешанное на стене, портреты родных и полковые группы наполняли это скромное, единственное строго-выдержанное во всем доме помещение.

На огромном письменном столе, занимавшем почти добрую треть комнаты, были разложены какие-то рукописи, исписанные мелким, как бисер, характерным почерком князя. А над столом подле портретов княгини Констанции и Нетти находилось изображение молодой женщины или девушки в простом домашнем платье, с гладко причесанной аккуратной головкой.

Тонкое, полное ума и затаенной воли лицо, с упорной линией губ и энергичным подбородком очень напоминало лицо самого князя. В нем было то же изящество, тоже благородство линий, но вместо выражения обаятельной доброты, столь присущей лицу Юрия Львовича, черты молодой особы, изображенной на портрете, дышали упорным и стойким характером.

— Моя старшая, дочь, Зинаида, мать этих клопов, — заметя любующийся изображением взгляд Ии, поспешил пояснить князь.

А «клопы», между тем, успели уже взгромоздиться на диван и занялись дедушкиным «арсеналом», как они называли коллекцию оружия, развешанную на стене. Казалось, вся неприятная история, только что разыгравшаяся в детской, была ими уже забыта.

– Дедушка, позволь мне подержаться только за эфес твоей шпаги... Надя боится, а я ничуть не бойсь – возбужденно кричал Жура, блестя глазенками. – Ия Аркадьевна, Ия Аркадьевна, – как уже к старой знакомой обращался он к Ии, – здесь сделана надпись, глядите, написано: за храбрость. Сам Государь дал эту саблю нашему дедушке, когда он с горстью молодцов-солдатишек взял неприятельский редут. И эту шпагу и Георгиевский крест наш дедушка получил на войне с турками.

– Знаете, Ия Аркадьевна, – соскакивая с дивана, заговорила и Надя, – дедушка наш был ужасно храбрый герой!.. И Жура таким же героем хочет быть. Он тоже храбрый, весь в дедушку! Только маленький, а когда вырастет, просто прелесть какой солдат из него будет.

– Я кавалеристом буду, как дедушка. Я лошадей люблю!.. А вы видели дедушкину лошадь, Ия Аркадьевна? Вот дедушкин Разбой. Смотрите, какой красавец!

И Жура, схватив за руку Ию, потащил ее к изображению лошади, висевшему в раме на стене.

– Все это прекрасно, мои милые, – взяв за руки детей и притягивая их к себе, проговорила Ия, – и лошадей лю-

бить хорошо, и солдатом-защитником отечества тоже быть похвально, а вот расскажите вы мне лучше, чем вы занимались до меня, чему учились, что успели пройти? Читать и писать, конечно, вы умеете, что еще знаете, кроме этого? — задала вопрос Ия своим будущим питомцам. Но им не пришлось отвечать ей. Дверь кабинета в эту минуту распахнулась и княгиня Констанция Ивановна позвала всех к столу.

Глава II

Первый вечер, проведенный на новом месте, оставил далеко не благоприятное впечатление в душе Ии. И если бы не сознание, что жизнь её с этого дня скрасится близостью брата, которому она сможет принести хотя бы небольшую пользу, воспитывая внуков его тестя, Ия ни за что бы не согласилась поселиться здесь.

Уже не говоря о том, что только что происшедшая в детской сцена оставила тяжелый осадок в душе молодой девушки, первые впечатления её здесь были самого нерадостного характера.

Во время обеда, который начался лишь в семь часов вечера, и который подавала та же нечистоплотная кухарка в засаленном платье, отворившая им дверь, успокоенная Нетти трещала без умолку. От недавних неприятностей, очевидно, в душе её не осталось и следа. Недавние слезы были забыты. Говорилось за столом о предстоящем сегодня зрелище, о балете, куда Андрей Аркадьевич вез нынче вечером тещу и жену.

Потом беседа коснулась будущего костюмированного бала, который должен был состояться у них, если только американец Томсон купит у молодого художника его новую картину.

Нетти, не зная еще наверное, будет ли бал или нет, уже

приобрела себе розового атласа на платье для костюма Весенней Зари, который ей обещал разрисовать акварелью Андрей Аркадьевич. И теперь, за столом, не умолкая ни на минуту, она звенела своим птичьим голоском о своем костюме, о том, каким великолепным выйдет, это платье, и какой огромный успех она будет в нем иметь.

Дети, Надя и Жура, наравне с остальными слушали эту пустую бессодержательную болтовню. К счастью, они были заняты едой и мало, по-видимому, обращали внимания на речи тетки. И все-таки, Ия была бесконечно рада, когда закончилась скучная процедура обеда и ее вместе с её маленькими воспитанниками выпустили из-за стола.

Взяв детей за руки, она провела их в детскую.

До укладывания в постели им оставалось час времени или около того.

– При Даше мы иногда ложились и в двенадцать! – объявил ей не без доли хвастливости Жура.

– Даша, бывало, уйдет на кухню, засидится там, да и забудет, что нас пора укладывать, – подтвердила слова брата Надя, – а наших постоянно нет дома, они каждый вечер уезжают куда-нибудь. Дядя André еще реже, а тетя Нетти с Констанцией Ивановной всегда или в театр, или на бал. А то понаедут сюда гости. Много, много народу. Тетя Нетти поет или играет на рояле. Потом хором все пойт. Даша откроет дверь, а мы, лежа в постелях, слушаем...

Ия с сожалением взглянула на девочку, потом перевела

глаза на её брата. «Бедные дети, – промелькнула грустная мысль в её голове, – какое вам дают воспитание. Слушать по ночам хоровое пение взрослых или романсы Нетти, вместо того, чтобы спать!» И тут же молодая девушка объявила своим воспитанникам, что спать они будут ложиться с этого дня ровно в девять часов вечера, потому и обедать им придется тоже раньше, отдельно от взрослых, потому что ложиться с полным желудком вредно для здоровья.

Все это она подробно и толково объяснила близнецам. Те совершенно спокойно выслушали ее. Обеды сообща со взрослыми доставляли им мало удовольствия. Если Нетти не представлялось приятной для неё перспективы ехать после обеда в театр или на вечер в гости, то она, по словам детей, брюзжала и придиралась к ним за столом. Правда, дедушка и дядя André всегда заступались за них перед теткой, но что они могли поделать с Нетти, когда та сердилась и выходила из себя.

– Мы терпеть ее не можем, я и Жура, – самым откровенным образом призналась Ии Надя, – и Констанцию Ивановну тоже. Нетти злая, а Констанция Ивановна ужасно вспыльчивая. Никогда не разберет, в чем дело, всегда вспылит и накричит... Мы с Журой дедушку любим и дядю Андрюшу тоже... Он добрый, хоть и слушает все, что тетя Нетти наговаривает на нас, а еще больше дяди любим нашу Дашу! Ах, Ия Аркадьевна, вы не знаете, какая она чудная, какие сказки умела рассказывать нам, – захлебываясь от восторга, вскри-

чала Надя.

– Да, да, расчудесные сказки, страшные-престрашные! А тетя Нетти ее прогнала. А вы умеете рассказывать страшные сказки? – неожиданно обратился к Ии Жура.

– Нет, голубчик, страшных сказок я не знаю совсем, – просто отвечала Ия, – но зато я знаю то, что не менее сказок может заинтересовать вас обоих. Я стану рассказывать вам то, что бывало на самом деле, что случалось в прежние времена у нас на Руси и в чужих странах, и это, я думаю, понравится вам гораздо больше самых страшных небылиц.

– Ах, правда? Неужели? Тогда расскажите нам, расскажите все это сейчас, поскорее! – И дети запрыгали около Ии, хлопая в ладоши от радости.

– Нет, мои дорогие, теперь уже поздно и вам пора спать, – возразила Ия. – А завтра утром вы много интересного, чрезвычайно занятного для вас услышите от меня. Теперь же, если хотите сделать мне удовольствие, раздевайтесь скорее, мойтесь, причесывайтесь на ночь и молитесь Богу...

– Как? Мы должны причесываться на ночь и мыться? – раскрыл удивленные глаза Жура, – но Даша никогда не требовала от нас, чтобы мы умывались на ночь!

– Да неужели она заставляла вас ложиться вот с такими руками? – Тут Ия, притянув к себе мальчика, поймала его грязную, как у трубочиста, ручонку и поднесла ее к его собственным глазам.

Жура сконфузился.

– Хорошо, мы будем мыться, – сказал он просто.

В десять часов дети уже спали. Перед тем, как юркнуть в свою жесткую, далеко неизящного вида кровать, купленную, по-видимому, где-нибудь на толкучке, Надя долго крестила брата и целовала его.

– Это я за маму, – заметя удивленный взгляд Ии, устремленный на нее, поспешила она объяснить молодой девушке: – я старше Журы на один час и должна, как старшая, заботиться о нем.

– А я, её брат и мужчина, должен защищать ее, как слабую женщину, – самым серьезным образом заявил Жура.

Наконец, и «слабая женщина» и «маленький мужчина» улеглись по своим постелям.

Очень скоро ровное дыхание детей оповестило Ию, что они спали крепким сном безмятежного детства. Заслоня рукой свечу, она приблизилась к кроваткам близнецов. Оба ребенка сейчас похожи на двух маленьких ангелов, с их рассыпавшимися по подушкам мягкими локонами и спокойными, серьезными личиками.

Теперь Ия невольно задала себе вопрос: чем могли не угодить Нетти эти, насколько она успела узнать их, очаровательные ребятки, за что она так аттестовала их?..

С детей её мысли перешли на самую молоденькую хозяйку дома. Время и положение замужней женщины, казалось, совсем не изменили Нетти. Это была та же пустенькая, легкомысленная и не в меру себялюбивая девочка, какой впервые

встретила ее Ия восемь лет тому назад на веранде помещичьего дома в «Лесном».

От Нетти думы Ии пошли дальше. Предстоявшая ей жизнь в доме брата с первого же вечера, проведенного ею здесь, не улыбалась ей. И сам дом этот был какой-то странный, насколько успела заметить Ия. Полный хаос царствовал здесь. Не говоря уже о вещах, обстановке комнат, приобретенной, очевидно, в разное время на рынке, частью полованных, частью запачканных, Ия успела разглядеть сегодня и грязные не подметенные полы и нечистые стекла на окнах и запачканную скатерть. Разрозненный сборный сервиз, отбитые ручки на мисках и соусниках, треснувшие и вдобавок плохо вымытые тарелки, и самый обед с жидким супом, похожим на какую-то бурду, с перегоревшими котлетами, все это говорило за то, что хозяйка в этом доме мало заботилась об удобствах живущих в нем других членов семьи.

По-видимому, ни Констанция Ивановна, ни Нетти понятия не имели о том, как вести хозяйство. А между тем Андрею Аркадьевичу, как главному работнику семьи, был нужнее, чем кому-либо другому в доме, своевременно поданный здоровый и вкусный обед.

С мысли о брате Ия перешла на себя.

Вот перед ней та комната, где она должна отныне проводить с детьми большую часть своего времени. У неё нет здесь своего уголка. В пансионе госпожи Кубанской в этом отношении ей было много лучше и спокойнее. Молодая девуш-

ка могла во всякое время уйти к себе за ширмы, спрятаться от людей в ту минуту жизни, когда взрослому человеку так ценно бывает одиночество. А здесь не было даже и такого удобства. Правда, эти милые близнецы, Надя и Жура, сразу понравились ей, но и даже самые симпатичные люди в мире, случается, могут помешать своим присутствием. А между тем она должна была даже спать в одной комнате с ними. Но делать было нечего. Приходилось мириться и с этим неудобством, тем более, что гораздо более тяжелое обстоятельство волновало Ию: мысль о взбалмошном характере Нетти не давала ей покоя. Как то уживется она, Ия, с молоденькой хозяйкой дома, и какие неприятные минуты могут еще ожидать ее здесь впереди, раз в первый же вечер её приезда сюда могла разыгаться такая нелепая, такая бурная сцена!

Ия так глубоко задумалась над предстоявшим ей житьем-бытьем под кровлей брата, что не слышала приближившихся к двери шагов, не видела появившейся на пороге фигуры и очнулась только тогда, когда незнакомый голос произнес подле неё:

– Здравствуйте, барышня. Простите за беспокойство. Хотела в последний раз ангелков моих, Наденьку с Журочкой повидать.

И молодая девушка с бойким лицом и живыми, веселыми, добрыми глазами предстала перед Ией.

– Вы должно быть Даша? – догадалась Ия.

– Так точно, Даша. Навестить, повидать моих любимчиков забежала. На кухне у Марии спрятавши была, пока господа не уехали. А потом, думаю, дай зайду... Марья и то говорит: барышня, гувернантка новая – добрая, знать, что за барчат заступилась перед барыней намеренно, так иди без сумлений в детскую, Даша, не прогонит небось. Барчат своих погляди. Вот и пришла, не обессудьте, барышня...

И она низко, по-крестьянски, в пояс поклонилась Ии. Потом на цыпочках подошла к детским кроваткам и долго любовалась сонными детьми.

– Наденька – ангелочек Божий... Журочка, ненаглядный соколик мой; – зашептала она быстрой скороговоркой, наклоняясь над спящими, – кто вас, сироток болезных, пригрет, приласкает без Даши-то! Кто заступится за вас!

– Барышня! Миленькая! – вдруг неожиданно обратилась она к Ии, – не давайте их, барышня, «нашей-то» в обиду. Ведь, не приведи Господь, как в загранице-то она, да и здесь с ними последнее время обращалась. А мне каково-то на это было глядеть!.. Ведь я, почитай, больше трех лет при них состояла. От маменьки ихней, от Зинаиды Юрьевны шесть месяцев тому назад к князю в чужую землю, в Венецию, сама же отвозила с барыней, матерью ихней... Барыня-то уехала моя, а я при них и осталась. Чего не навидалась только, ох, Господи! Сколько обид из-за ангелочков моих перенесла. Княгиня Констанция-то Ивановна еще туда сюда, горяча да отходчива, а Анастасия Юрьевна – что твой зверь-аспид,

так и налетает на ребят, так и норовит обидеть их. Верите ли, мочи моей больше не стало видеть все это, согрubiла ей нынче, всю правду матку как есть отрезала, да и ушла.

— Напрасно ушли, Даша. Дети без вас скучать будут, при-
выкли они к вам.

— Привыкли, ангелочки, что и говорить привыкли, а только не приведи Бог прожить с барыней молодой хоть одну неделю. Жаль мне вас, барышня, до смерти, да и вам скажу, хошь сердитесь на меня, хошь нет, а не жилища и вы в здешнем доме, даром, что Андрею Аркадьевичу родной сестрицей приходитесь. Помяните мое слово, недолго вы останетесь с аспидкой этой, молодой барыней здесь.

И долго еще говорила на эту тему Даша, то отходя к детским кроватям и любуясь спящими детьми, то снова приближаясь к Ии и развертывая перед молодой девушкой ряд самых безотрадных, печальных фактов, происходивших в семье Вадберских и Баслановых.

— Жаль мне сердечно и брата вашего, Андрея Аркадьевича, — говорила Даша, — потому, как хороший они господин. Не надолго их при такой жизни хватит. Работают они, трудятся день и ночь, почитай, в своей мастерской картины пишут, месяцами сидят над ими, картинами этими-то, а продали, смотришь, денежки получили и опять ничего нет. По счетам от портних разных для молодой барыни так все и разойдутся. Все как есть до единой копеечки на наряды да выезды Анастасии Юрьевне идет. Уж так-то жаль молодого

барина, так жаль, что и сказать невозможно, — заключила, едва не плача, свой рассказ Даша.

Поздно вечером ушла она из детской, предварительно перекрестив и поцеловав спящих детей и оставив новый ряд сомнений в душе Ии.

Глава III

– Пятью шесть?

– Тридцать.

– Восемью три?

– Двадцать четыре!

– Семью девять?

Надя замялась на мгновение.

– Семьдесят два! – неудачно подсказал соседке Жура.

– Жура, не тебя спрашиваю, а сестру, – не повышая голоса, произнесла Ия.

– Дрянной мальчишка! Тебя за уши следует выдрать за твои подсказки, – сердито закричала Нетти, сидевшая тут же с тетрадью модного журнала в руках.

Сконфуженный и красный, как рак, Жура замолк и виновато опустил голову.

– Ну, Надя, ответь, сколько по-твоему будет семь раз девять? – снова обратилась к девочке Ия.

Та молчала.

– То есть удивительно тупица эта Надька, – нетерпеливо двигаясь на своем месте, говорила сердитым голосом Нетти, – ничего не знает, самых обыкновенных вещей, простую таблицу умножения и то сколько времени задолбить не может.

– Не пугайте девочку, Нетти, вы видите она и так растеря-

лась совсем, – тихо по-французски, чтобы не быть понятой детьми, – обратилась к золовке Ия.

– Как же, испугаешь ее! – отвечала ей громко по-русски Нетти. – Лентяйка она и упрямица, на редкость... Ну, говори же, сколько семью девять – не скажешь, за уши отдеру, – так же сердито накинулась она на Надю, грозно сдвигая свои черные брови.

Девочка задрожала. Её маленький брат весь насторожился и подтянулся, готовый каждую минуту защитить сестренку.

– Надя, голубчик, – подойдя к девочке и положив ей руку на плечо, проговорила Ия, – подумай хорошенько над моим вопросом, а главное не волнуйся, никто не тронет тебя пальцем, уверяю тебя.

Едва успела произнести эти слова Ия, как в ту же минуту Нетти, красная как пион, с дрожащими губами очутилась перед ней.

– Как вы смее! Как вы смее! – не раскрывая рта, зашипела она по адресу невестки.

– То есть, что я смею? – не поняла Ия.

– Так говорить со мной... Дискредитировать меня в глазах этих идиотских детей. Раз я говорю, что смею выдрать за уши эту глупую, бестолковую девчонку, – то значит могу сделать это... А вы отрицаете... Как смее вы это отрицать?

– Послушайте, Нетти, – снова переходя на французский язык, произнесла Ия, – мы поговорим с вами после урока обо всем этом, а теперь не мешайте мне заниматься с детьми.

– Как? Что? Я мешаю вам заниматься? Да что это за травля, за заговоры против меня! Я ведь буду жаловаться на вас... Вы еще только неделю здесь, а уже Бог знает что позволяете себе со мной. Я не потерплю этого, я не перенесу! Я хозяйка в доме, вы должны уважать меня, – кричала Нетти, нисколько не смущаясь присутствием детей.

В первую минуту Ия было растерялась, но, сделав усилие над собой и забрав себя в руки, стараясь быть спокойной, она снова обратилась к жене брата:

– Вы напрасно так волнуетесь, Нетти. Я и в мыслях не имела вас обижать. Что же касается того, что неудобно заниматься при создавшихся условиях, – то это совершенно верно. С детьми следует говорить спокойно, иначе вы совершенно нервируете их.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.